

С.И. Кормилов

«И счастье я могу постигнуть на земле...»

Стихотворений, выражающих просветленное, гармоническое восприятие жизни Лермонтовым, сравнительно немного, но они очень значимы и художественно совершенны.

<...>

Стихотворение 1837 года «Когда волнуется желтеющая нива...» утверждает гармонию и на земле и в небесах. Оно разделено на нумерованные строфы (неупорядоченно чередующие 6- и 5-стопный ямб), но от этого они не становятся изолированными, а составляют одно сложноподчиненное предложение, охватывающее все 16 строк. Однако обособляющая нумерация не случайна. Каждое четверостишие наполнено собственной образностью, по-своему оформлено, выражает собственный смысл — с тем, чтобы наконец составить идейно-художественное целое.

Еще Глеб Успенский обратил внимание на хронологическую несостыковку в стихотворении: «желтеющая нива», «малиновая слива» — осень, «ландыш серебристый» — весна, «зеленый листок» — скорее начало лета, а строфы, в которых о них говорится, объединены анафорой «Когда...» Но мысль Лермонтова та, что ощущение жизни, описываемое им, приходит к нему в разное время. Д. Максимов отметил, что «внутренне противоречивые» сочетания встречаются и в других произведениях Лермонтова, таких, как «Прекрасны вы, поля земли родной...» (1831) и отчасти «Родина». Пример он привел из стихотворения «Не верь себе» (1839): «Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой...» (страсть вообще может сочетать несочетаемое в природе). Б. Эйхенбаум, предпринявший синтаксическо-интонационный анализ стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...», обнаружил на этом уровне строгую логику подъема (три строфы с «Когда...») и финального спада (последняя строфа начинается словом «Тогда»), но счел смысловое построение противоречащим этой логике. М. Гаспаров, блистательно разобрав текст, опроверг мнение Эйхенбаума, считавшего формальные приемы более важными, чем смысловое построение. В первой строфе «нива *волнуется*», «слива *прячется*» — начинается одушевление неодушевленного. Во второй строфе «ландыш приветливо *кивает* головой», в третьей «ключ *играет* и *лепечет*» — одушевленность нарастает. Эпитеты в первой строфе в основном цветные, во второй тоже, но с оттенком дематериализации («румяный», «золотой», «серебристый»), в третьей они совсем иные: «смутный сон», «таинственная сага», «мирный край» — дематериализация завершена. Последовательность точек зрения: сначала все представлено объективно, со стороны, потом ландыш «кивает головой» *мне* и ключ «лепечет *мне* таинственную сагу», соответствующую «смутному сну» в предыдущем стихе. Последовательность охвата времени: в первой строфе, по-видимому, какой-то один момент, во второй — отмеченный Г. Успенским временной разницей (не только в сезонах: «Румяным вечером иль утра в час золотой»), в третьей временных указаний нет, совершен выход за пределы времени. Пространство поначалу широко и многообразно, потом крупным планом даны только куст и ландыш, затем ключ приносит движение, уводящее куда-то далеко, в «мирный край, откуда мчится он». «Мысль», «сон» и «Таинственная сага» (резкий экзотизм в лермонтовскую эпоху) отмечают кульминацию, перелом от «Когда...» к «Тогда...» В первых четверостишиях речь шла о «мире», все более одушевляемом. В центре последнего четверостишия — «я» и «Бог»:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,

И счастье я могу постигнуть на земле
И в небесах я вижу Бога!..

Впервые названа «тревога», в ее свете осознается все предыдущее. Но если там движение шло от неодушевленного к одушевленному, то здесь идет обратное движение (каждый стих — его этап) — от души к мирозданию: ближний мир — земля, дальний — небеса. Переход в середине строфы отмечен сменой анафоры («Тогда... Тогда...» — «И... И...») и сменой смысла: снятие дурного (тревоги) приводит к утверждению прекрасного в мироздании, и «Бог» венчает всю композицию. Последний стих выделен размером, это единственная строка 4-стопного ямба (первая строфа — только 6-стопный, во второй и третьей колебание 6- и 5-стопного соответствует усилению образной зыбкости). Рифмовка в последней строфе, тоже единственный раз, охватная.

По трем длинным ступеням-строфам, завершает свой анализ М. Гаспаров, мы словно уходим из мира внешнего, углубляемся во внутренний, а по трем коротким поднимаемся на высшую четвертую ступень, с Богом в небе. Автор другого разбора приходит к такому выводу: «Лирическая концовка Лермонтова раскрывает состояние человека в момент, когда сняты романтические антиномии “ум — сердце” (“Тогда смиряется души моей тревога, / Тогда расходятся морщины на челе”), “земля — небо” (“И счастье я могу постигнуть на земле, / И в небесах я вижу Бога”) и возникает состояние гармонии человека и мира». Это верно, гармония есть, но есть и романтическое соотнесение «я» с грандиозными величинами, отмеченное М. Гаспаровым: «Заключительная строка “И в небесах я вижу Бога»” сталкивает понятия “я” и “Бог” — оба полюса, между которыми лежит то понятие “мир”, с которого начиналось стихотворение» (слово «сталкивает» здесь использовано, конечно, только в формальном смысле). Конструкция стихотворения, вероятно, имела образцом «Крик души» французского романтика А. Ламартина, но содержание у Лермонтова свое, и он «перелом делает четче и яснее: “мир — я и Бог”».

Окружающий мир намного больше героя, и формально он о себе говорит мало. Но о других людях не говорится вообще, их словно нет, и неслучайно нет — позже Лермонтов начнет другое свое классическое стихотворение словами «Выхожу один я на дорогу...» Ключ (точнее было бы сказать — ручей) «мчится» из «мирного края» в этот, видимо, не совсем мирный (параллель к тревоге души), но тем самым как бы умиротворяет и его. Гармония существует, но на фоне дисгармонии. В какие-то моменты, очень разные, лермонтовский герой так широко видит красоту окружающего мира, что, кажется, видит и Бога, хотя буквально видеть его нельзя.

Таково впечатление от Божьего мира. Мцыри, на воле попав в «Божий сад», испытывает почти такое же впечатление:

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог...

Но земной и небесный миры в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...», конечно, не уравнены, хотя и прямо соотнесены. Постигание счастья на земле остается все-таки проблематичным: «счастье я могу постигнуть на земле», а в небесах Бога уже «вижу». В последней строфе особенно отчетлива смысловая градация рифм. Рифма *Бога* оттянута к самому концу, для того и понадобилась охватная рифмовка. А предшествующие рифмующиеся слова — «тревога», тревога уже смиряющаяся (слово «смиряется» появляется раньше слова «тревога»), но все еще тревога, затем «на челе» и «на земле». Градация тройная: «чело» одного человека настолько же меньше «земли», насколько «земля» меньше (условно) бесконечного Бога. «Тревога» наконец получает рифму — «Бога», и только тогда, в этот момент, тревога снимается вполне.

<...>